

Несколько прядей длинных черных волос выбились из-пери плеча и скользнули вниз, пока человек перед ним двигался. Черты его лица были изящными, а в самом уголке глаза притаилась крошечная ярко-красная родинка. Словно упавший на снег лепесток алой сливы, она придавала его облику чарующую и дивную красоту.

В этот миг время словно замерло.

Весь тот ужас, шквал вопросов и даже боль от падения на пол — всё это было напрочь вытеснено чересчур ошеломляющей картиной, представшей перед глазами У Се.

Словно пораженный заклятием неподвижности, он так и замер с вытянутым вперед пальцем, приоткрыв рот. Его ясные глаза вылезли из орбит, а лицо с родинкой в уголке глаза кружилось и увеличивалось в его голове до бесконечности.

Видя, что У Се молчит, Чжан Юймин откинул одеяло и босиком встал с кровати. Нагнувшись, он присел на корточки прямо перед У Се и помахал рукой перед его лицом.

— Ты в порядке?

Слух У Се, казалось, улетевший куда-то на девятое небо, наконец-то нашел дорогу обратно.

Опомнившись, У Се вновь издал громогласный, полный потрясения вопль, услышав голос Чжан Юймина:

— Ты... ты! Ты же мужчина!

— Что за ор с самого утра! — раздался из проема двери зычный голос.

У Саньсин как раз завтракал в гостиной, когда до него донесся истошный крик племянника. Бросив палочки и чашку, он со всех ног бросился на второй этаж, но, стоило ему толкнуть дверь, как он услышал эту глупость.

Его пронизательные глаза обвели комнату: они зацепились за смятую постель, за сидевшего на полу с ошеломленным видом У Се и за «длинноволосую красавицу», присевшую напротив. В ту же секунду всё встало на свои места.

Взгляд старшего мгновенно превратился в такой, каким смотрят на полных дураков. Опершись рукой о дверной косяк, он обратился к сидевшему на полу У Се с упреком в голосе:

— С ума сойти. Мы же все звали его братишкой Чжаном, братишкой Чжаном, с чего бы ему быть женщиной? У Се, ты часом во сне рассудок не растерял?

Слова У Саньсина помогли У Се вернуть хотя бы часть улетевшего в страхе разума.

У Се оглянулся на Третьего дядю, затем снова посмотрел на изящную «длинноволосую красавицу». Его рот то открывался, то закрывался — несколько раз подряд. Он словно хотел что-то объяснить, но слова застревали в горле, и в конце концов он лишь жалобно выдавил из себя:

— Но... он же так выглядит... и... волосы длинные. Кто бы мог подумать, проснувшись утром и увидев рядом человека... что это мужчина.

Голос его становился всё тише и тише, под конец превратившись в едва слышное жужжание, а щеки густо залились краской.

[Пф... Кхм, м-м — пф-ф!]

Номер 869 сначала пытался сдержаться, но, видимо, не смог и разразился ничуть не скрываемым смехом.

Реакция У Се и У Саньсина заставила Чжан Юймина почувствовать себя в некотором роде не в своей тарелке, однако, глядя на покрасневшего и растерянного У Се, он не удержался от капли озорства.

Уголки его губ изогнулись в улыбке. Опустившись на одно колено и упершись одной рукой в пол, он начал неумолимо приближать свое изящное лицо к У Се.

Это движение окончательно парализовало У Се. Его и без того покрасневшие щеки в один миг вспыхнули так ярко, будто с них вот-вот начнет капать кровь.

Голова словно загорелась, из ушей валил густой белый дым, а мысли напрочь исчезли. Он мог лишь таращиться во все глаза и тупо наблюдать за действиями сидевшего напротив человека.

Чжан Юймин неторопливо протянул руку с отчетливо проступающими суставами, взял замершую в воздухе руку У Се и приложил к своему кадыку, а затем медленно опустил ее ниже, к груди.

У Се от этого жеста испуганно вздрогнул и инстинктивно попытался выдернуть руку, но Чжан Юймин держал его крепко, не терпя возражений.

— Третий мастер, — он нарочно растянул слова, с легкой насмешливой улыбкой медленно произнес: — Теперь-то ты веришь, что я мужчина?

Ладонь У Се плотно прилегала к груди Чжан Юймина, ощущая кончиками пальцев легкую

вибрацию.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук...

Через преграду из теплой плоти У Се чувствовал мерный ритм.

Это было чужое сердцебиение.

Сам не зная почему, У Се машинально успокоился и стал тихонько прислушиваться к этому чужому ритму, не совпадавшему с его собственным.

Со стороны казалось, что душа У Се покинула тело и он впал в полное оцепенение.

Наблюдая за племянником, который витал где-то в облаках, позвокая над собой подшучивать, У Саньсин с головной болью помассировал переносицу:

— Ладно-ладно, поднимайтесь да давайте собирайтесь, как поедем — сразу в путь.

Он бросил на Чжан Юймина беспомощный взгляд:

— Братишка Чжан, в следующий раз аккуратнее, а то и вправду доведешь парня до заикания.

С этими словами он снова глянул на продолжавшего сидеть на полу растерягу, покачал головой, развернулся и широким шагом вышел из комнаты.

— Вчера мы пришли слишком поздно, свободных мест не было, вот мне и пришлось лечь с тобой. Прости, что напугал, Третий мастер.

Чжан Юймин потянул У Се за руку:

— Вставай давай, Третий мастер, на полу холодно.

— А... о-о. — У Се опомнился, торопливо закивал, поднимаясь поддавшись усилию Чжан Юймина, и тихо поблагодарил.

Уголки губ Чжан Юймина тронула едва заметная улыбка, ставшая чуть глубже. Больше он ничего не сказал; его длинные пальцы привычно заскользили по внутренним карманам рюкзака, извлекая вещи одну за другой.

Он с высочайшей эффективностью проверил каждый предмет, быстро рассортировал их по

категориям и разложил по местам.

От начала и до конца его лицо оставалось спокойным и сосредоточенным. Взгляд был прикован к вещам в руках, словно вся та небольшая суматоха из-за него, заставившая кое-кого покраснеть, смутиться и едва не задымиться от стыда, была лишь легким дуновением ветерка, не оставившим и следа в его душе.

Он полностью и начисто проигнорировал устремленный ему в спину взгляд — полный любопытства и исследования, готовый почти материализоваться.

Обладатель этого взгляда, судя по всему, чувствовал себя не в своей тарелке из-за столь невозмутимого и пренебрежительного отношения. Он хотел бы расспросить о вчерашнем дне, но недавний инцидент заставлял его смущаться, слова не шли с языка, и в конце концов ему оставалось лишь угрюмо опустить голову.

[Тц-тц-тц.]

Номер 869 крутанулся вокруг У Се, источавшего ауру полной озадачивающей неловкости, вперемешку с «я хочу спросить, но мне стыдно», а затем подлетел к Чжан Юймину и затараторил:

[Хозяин, ты только посмотри, посмотри на У Се! Это же редчайший экземпляр потерянного песика У, ну до чего же он послушный и милый!]

Чжан Юймин как раз засунул последнее оружие — маленький и острый кинжал — в ножны на бедре, и при этих словах его движения слегка замерли.

— Песик... У?

Он тихонько повторил это прозвище, слегка повысив голос под конец.

Обернувшись на явно приунывшего У Се, он невольно вспомнил те самые круглые, влажные, распахнутые от испуга и смущения глаза У Се — полные невинности и обиды.

И впрямь очень похоже на маленькую собачку по кличке Номер 035, которую они приютили в экспериментальном корпусе: у них был абсолютно одинаковый чистый и прямой взгляд, а все мысли читались на лице с первого же взгляда.

Уголки губ Чжан Юймина изогнулись в ещё более заметной, лукавой улыбке, и он ответил Номеру 869 в мыслях:

[Пожалуй, ты был прав, когда твердил мне на уши, что У Се очень забавный.]

[Глядя на него такого, и впрямь... жутко весело], — добавил он легким тоном, полным нескрываемого смеха, словно обнаружив новую и увлекательную игрушку.

Позавтракав и прихватив с собой немного сухих пайки, Чжан Юймин вместе с отрядом У Саньсина отправился в путь. По дороге они даже выловили того самого старика, который подставил их в трупной пещере, и после долгих лишений и трудностей всё-таки отыскали гробницу.

<http://bllate.org/book/20897/2112656>